

«МОДЕРНИЗАЦИЯ» И «РЕФОРМА» В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ОПЫТ НАРРАТИВНОГО АНАЛИЗА

Екатерина Олеговна Сони́на,

Уральский институт управления – филиал РАНХиГС,
Екатеринбург, Россия,
soninaeo@gmail.com

Статья поступила в редакцию 30.04.2021, принята к публикации 30.06.2021

Для цитирования: Сони́на Е.О. «Модернизация» и «реформа» в политическом дискурсе современной России: опыт нарративного анализа // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2021. Т. 18. № 2. С. 49–60. https://doi.org/10.17506/18179568_2021_18_2_49

Аннотация

«Модернизация», «реформа» и синонимичные им концепты являются одними из наиболее часто применяемых в политическом дискурсе современной России. Данные концепты преимущественно аккумулируются российской правящей элитой, которая пытается наполнить их ценностно-смысловым содержанием и оперирует ими для обоснования приоритетов государственного развития. Цель статьи – выявить основные контексты интерпретации концептов «модернизация» и «реформа» в российском политическом дискурсе, причинно-следственные связи, задачи и стратегии указанной интерпретации, ее влияние на политические процессы. Научная новизна работы заключается в использовании нарративного анализа для изучения концептов «модернизация» и «реформа» в современном политическом дискурсе, систематизации их признаков, выявлении рисков обращения к концептам «модернизация» и «реформа» как нарративам. Исследование опирается на тематическую, структурную и перформативную модели нарративного анализа. Применяя их, автор выявляет темы, в рамках которых чаще всего российская правящая элита прибегает к концептам

© Сони́на Е.О., 2021

«модернизация» и «реформа», ценности, к которым происходит апеллирование при интерпретации данных концептов, цели данной интерпретации и ее возможные последствия. Источниковую базу исследования составляют официальные выступления представителей российской власти, стратегические документы, фиксирующие цели и направления государственного развития, обозначаемые властью как приоритетные. Автор приходит к выводу, что в дискурсе российской правящей элиты данные концепты все больше используются как нарративы, легитимирующие многие ее действия и решения. Но подобный подход может создавать риски их идеологизации, при которой «реформа» и «модернизация» в политическом дискурсе, формируемом властью, и политическом дискурсе, формируемом обществом, приобретают разные коннотации, усиливая противоречие между указанными видами дискурса, становясь одной из причин отчуждения общества и власти.

Ключевые слова:

политический дискурс, государство, модернизация, реформа, идеология.

UDC 321.01

DOI 10.17506/18179568_2021_18_2_49

“MODERNIZATION” AND “REFORM” IN THE POLITICAL DISCOURSE OF MODERN RUSSIA: THE NARRATIVE ANALYSIS EXPERIENCE

Ekaterina O. Sonina,

Ural Institute of Management, Branch of RANEPa,
Ekaterinburg, Russia,
soninaeo@gmail.com

Article received on April 30, 2021, accepted on June 30, 2021

For citation: Sonina, E. O. (2021). “Modernization” And “Reform” in the Political Discourse of Modern Russia: The Narrative Analysis Experience. *Scientific journal “Discourse-P”*, 18(2), 49–60. (In Russ.). https://doi.org/10.17506/18179568_2021_18_2_49

Abstract

“Modernization”, “reform” and their synonyms are among the most common concepts in the political discourse of modern Russia. These notions are mainly used by the Russian establishment, which tries to fill them with value-semantic content and applies them to justify the priorities of state development. The purpose of this article is to identify the main interpretation contexts of the “modernization” and “reform” concepts in the Russian politi-

cal discourse, cause-effect relationships, objectives and strategies of this interpretation, its impact on political processes. The novelty of the research is attributed to using narrative analysis to study the concepts of “modernization” and “reform” in modern political discourse, systematizing their features, and identifying the risks of referring to “modernization” and “reform” as narratives. The research is based on thematic, structural and performative models of narrative analysis. Applying them, the author identifies the topics in which the Russian authorities most often resort to the concepts of “modernization” and “reform”, the values that they appeal to when interpreting these concepts, the goals of such interpretation and its possible consequences. The primary sources are statements of Russian officials, strategic documents containing goals and directions of national development, designated by the authorities as priorities. The author comes to the conclusion that these concepts are increasingly used in the official political discourse as narratives that legitimize many of government actions and decisions. However, such an approach can create risks of their ideologization, when the concepts of “reform” and “modernization” formed by the government and society acquire different connotations, increasing the contradiction between these types of discourse, becoming one of the reasons for the rift between society and the authorities.

Keywords:

political discourse, state, modernization, reform, ideology.

Введение

Концепты «модернизация» и «реформа» достаточно прочно укоренились в политической риторике правящей элиты современной России, определяя подходы к государственному управлению и содержание реализуемой властью политики. Установка на масштабные преобразования с целью соответствия требованиям и вызовам современности, обеспечения «прорывного развития» (характеристика модернизированного общества) присутствует во всех последних посланиях Президента РФ, независимо от заявленных приоритетов данного развития: повышение обороноспособности страны (соответственно, внедрение инноваций и модернизация оборонной сферы) или экономическое развитие (смена технологического уклада, модернизация экономических отношений, развитие высокотехнологичных отраслей). Частота отсылок к этим концептам при легитимации изменений, инициируемых властью, настолько высока, что на уровне массового сознания «реформа» и «модернизация» воспринимаются уже как часть повседневности, ее перманентная характеристика, определяющая постоянное нахождение в состоянии изменений.

Ориентация на национальные проекты как подход к реализации масштабных государственных преобразований, наращивание человеческого потенциала, цифровизация экономики и технологическое оснащение приоритетных социальных сфер (здравоохранение, образование) в последнем послании Президента Российской Федерации Федеральному Собранию и в большинстве его официальных выступлений продолжают указанную традицию кодирования политического дискурса через концепты «реформа» и «модернизация», укрепляя их в качестве

нарративов. Даже существенно повлиявшая на изменение структуры экономики и общественных отношений ситуация с распространением новой коронавирусной инфекции не изменила данного тренда, наоборот, укрепила указанные концепты в официальном политическом дискурсе, которые были подвергнуты новой интерпретации с учетом задач, стоящих сегодня перед государством.

Результаты

Начиная с 1980-х гг. нарративный анализ настолько прочно укоренился в качестве самостоятельного метода научных исследований, что спровоцировал своеобразную «нарративизацию» гуманитарного знания (Franzosi, 1998, p. 12). Сегодня понятие «нарратив» является предметом анализа целого комплекса социально-гуманитарных наук: философии, социологии, лингвистики, историософии, антропологии. Нарративный анализ представляет собой качественный метод исследования, направленный на интерпретацию повествования и уделяющий особое внимание временной последовательности, которую устанавливают люди как рассказчики о жизни, событиях, окружающих явлениях (Леонтович, 2011, с. 92). Ключевым в этом анализе является сосредоточение внимания не на исследовании самого события, а на том, как оно оказывается вплетено через цепочку интерпретаций в структуру социального опыта. Нарратив является не онтологической сущностью, а обозначением набора символических конструкций и правил, которые позволяют интегрировать тот или иной индивидуальный случай в некий обобщенный и культурно обусловленный опыт и канон (Брокмейер, Харре, 2000, с. 36–38). В функциональном смысле нарратив оказывается особым типом сообщения, в котором гносеологическая связность событий достигается за счет отсылки к некоторым будущим последствиям. Именно к последствиям, а не причинам их возникновения (Зенкин, 2003). Прошлое и будущее через нарративную интерпретацию становятся частью современности, наполняя ее события смыслами, вписывая их в социальный опыт, делая его неотъемлемой частью. Такое актуализированное прошлое и будущее являются для политиков одновременно как ресурсом, применение которого сопряжено с определенными выгодами и рисками, так и объектом символических инвестиций (Малинова, 2016, с. 143). Поэтому нарративный анализ позволяет не только понять, как происходит конструирование социального опыта, но и личное отношение нарратора (повествователя, говорящего) к интерпретируемым им событиям, его мотивацию на придание им определенного смыслового контекста и содержания.

В рамках политического дискурса российской властвующей элиты «реформа» и «модернизация» применяются с целью описания событий, условий жизни, ее норм, которые должны иметь место, но на момент повествования пока не выступают частью реальности. Через оперирование данными понятиями в поле политического дискурса происходит отсылка к некоторому ожидаемому (желаемому) будущему. При этом властными субъектами не просто предлагается видение будущего российского государства и общества, но и способы его достижения.

«Модернизация» выполняет функции установки на будущее, обеспечивая идентификацию российского общества и государства с современностью. Критерии этой современности могут быть разные: наращивание военной

мощи или экономического потенциала, реструктуризация экономики через освоение новых технологий или улучшение в первую очередь качества жизни. Превалирующая сейчас в стратегических документах установка на «цифровизацию» практически всех сфер жизни общества – та же попытка со стороны власти предложить некоторое видение будущего, отвечающего требованиям (или даже вызовам) современности. В Общенациональном плане действий¹, одобренном Правительством РФ в сентябре 2020 г., «цифровизация» интерпретируется как возможность, обеспечивающая достижение «национальных целей развития экономики на основе использования новых технологий». В смысловом контексте указанного документа «цифровизация» оказывается базой развития отраслей, которые должны стать своеобразными «точками роста», стимулируя развитие экономики, обеспечивая занятость населения и создавая условия для повышения качества его жизни: строительство, образование, здравоохранение, сфера деятельности малого и среднего предпринимательства, агропромышленный комплекс. Исходя из задач, поставленных в Общенациональном плане, «цифровизация» должна также стать основой новой модели отношений государства и общества. Развитие «государства как цифровой платформы» предполагает в первую очередь переход на «проактивное и комплексное оказание государственных услуг в цифровом виде», «внедрение электронных реестров выданных разрешений и лицензий», «обеспечение юридической значимости совершаемых гражданами действий в цифровых каналах взаимодействия» населения и органов публичной власти. Заявленный масштаб «цифровизации» и сферы приоритетного внедрения цифровых технологий фактически свидетельствуют о том, что в политическом дискурсе российской власти понятие «цифровизация» выступает как синоним «модернизации», раскрывая видение властной элитой будущего российского общества и государства, исходя из критериев современности. В этом смысле «модернизация» («цифровизация») предстает уже как «нарратив прогресса», характеризуя представление российской власти о приоритетных направлениях развития и его основных акторах.

«Реформа» («национальные проекты», «приоритетные проекты», «приоритетные программы» и т.п.), в свою очередь, описывает траекторию движения к этой современности. Ключевой характеристикой оказывается минимизация социальных потрясений, обеспечение стабильности, даже если речь идет о больших национальных проектах, реализация которых намечена в достаточно короткие сроки.

В самом начале президентского Послания 2020 г. дается установка на наращивание темпов изменений, отвечающих существующему в обществе «запросу на перемены». Но здесь же приводится указание, что главным ощутимым результатом этих перемен должно стать «достижение достойного уровня жизни», стабильности².

¹ *Общенациональный план действий, обеспечивающих восстановление занятости и доходов населения, рост экономики и долгосрочные структурные изменения в экономике*: одобрен Правительством РФ 23 сентября 2020 г. (протокол № 36, раздел VII). Взято 14 марта 2021, с <http://www.consultant.ru/law/hotdocs/65832.html>

² *Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию* (2020, 15 января). Взято 14 марта 2021, с <http://kremlin.ru/events/president/news/62582>

Заявленная логика реализации государственных изменений прослеживается и в выступлениях Главы Правительства Российской Федерации. При этом она не менялась даже с учетом новых вызовов, возникших в связи с распространением новой коронавирусной инфекции. Например, на прошедшем в июле 2020 г. заседании Совета по стратегическому развитию и национальным проектам еще раз было подчеркнуто, что ключевым национальным приоритетом является «повышение качества жизни каждого человека, направленное на прорывное развитие России, создание комфортных условий для всех, кто живет в нашей стране»³.

Использование «растущего научного и технологического потенциала страны» с целью «формирования долговременных условий для развития экономики», «сбережения народа России» присутствует как установка и в президентском послании 2021 г.⁴

Таким образом, концепты «модернизация» и «реформа» в официальном политическом дискурсе одновременно выступают и средством идентификации будущего государства, и повествуют о способе достижения неких коллективных социальных целей.

При повествовании о современности и видении модернизированного общества (государства) в рамках официального политического дискурса, неизменно происходит оперирование ценностями «государство» и «человек». «Реформа» и «модернизация», несмотря на разные смысловые наполнения, реализуются, если исходить из интерпретации власти, с целью укрепления государства и для повышения благополучия, улучшения качества жизни граждан. Государство и человек, «достижение достойного уровня жизни» подаются властью как универсальные ценности при определении политического курса, обосновании его выбора перед обществом, постановке в рамках выбранного политического курса задач органам исполнительной власти. При этом зачастую указанные ценности, как и другие, обозначаемые как общие для государства и общества, не конкретизируются властью, а подаются как нечто самоочевидное (Мартьянов, 2007, с. 148).

Расшифровывая задачи «реформ» и «модернизации», российская правящая элита пытается оперировать терминами «государство» и «человек» как архетипами (Grant, 2006), не требующими дополнительных пояснений, пусть даже понимание данных терминов у власти и общества разнится.

Наконец, «реформа» и «модернизация» оказываются концептами, через которые правящая элита пытается обосновать или объяснить многие свои действия. Они превратились в официальном политическом дискурсе в высшее благо, а их отсутствие автоматически означает застой и имеет негативные смысловые коннотации (Мартьянов, 2007, с. 165). Данные концепты используются властью как инструменты легитимации принимаемых ею решений. Даже тех из них, которые являлись, по мнению общества, ошибочными, т. е. они выполняют прагматические функции в повествовании⁵, наполняя смыслом подходы

³ Заседание Совета по стратегическому развитию и национальным проектам (2020, 13 июля). Взято 15 марта апреля 2021, с <http://kremlin.ru/events/president/news/63635>

⁴ Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию (2021, 21 апреля). Взято 23 апреля 2021, с <http://kremlin.ru/events/president/news/65418>

⁵ Веселова, И. С. (без даты). *Нарратология стереотипной достоверной прозы.*

и решения, которые предлагаются властью с целью соответствия требованиям современности.

Необходимость ответа на требования (вызовы) современности легитимирует масштаб и сроки реализации государственных преобразований в формате реформ. Закрепление задач этих преобразований в национальных проектах, приоритетных проектах, программах, федеральных программах только повышает их значимость при реализации задаваемого властной элитой политического курса. В результате отсылка к необходимости достижения (или сохранения) российским обществом статуса современного наполняет ценностью и смыслом и сам процесс государственных преобразований, и роль властных субъектов в нем.

По сути, через обращение к концептам «модернизация» и «реформа» в политическом дискурсе правящей элиты происходит не только политическая, но и ценностная легитимация ее статуса и принимаемых, транслируемых ею решений. Это нарративная легитимация, которая предполагает обеспечение выстраивания отношений между универсальными и инструментальными ценностями (Маслов, 2015, с. 151). В рамках такой легитимации определенный тип действия обосновывается как наиболее эффективный инструмент для реализации разделяемых всеми универсальных ценностей. Тогда и легитимированный объект приобретает ценность, заимствуемую им в силу причинно-следственных связей от общепризнанной ценности «всеобщего счастья», «общенационального благополучия», «достойного качества жизни» и т. п.

Итак, «реформа» и «модернизация» оказываются нарративами политического дискурса российской правящей элиты. Но такое использование данных концептов несет и определенные риски.

Во-первых, нарратив претендует на универсальность, позволяет интегрировать то или иное событие, тот или иной случай в некий обобщенный опыт, социокультурный канон. Но он всегда связан с индивидуальным речевым актом повествующего, т. е. некоторой субъективной интерпретацией. Нарративы стремятся не к объективности, а к истинам опыта, которые раскрывают себя только после интерпретации нарратива с точки зрения оформивших его контекстов и повлиявших на него мировоззрений: «Изучение реальных людей, имеющих реальный жизненный опыт в реальном мире, происходит в нарративном анализе при помощи истолкования смысла, которым люди наделяют переживаемые события» (Ярская-Смирнова, 1997, с. 44). Нарратив предполагает оперирование реальными событиями и фактами, но совсем не означает отражение этой реальности в буквальном смысле. В рамках нарратива будущее отображается как действительность, но это все равно интерпретативное его видение.

Во-вторых, концепт «модернизации» возникал как универсальная характеристика, определяющая цели и содержание процесса развития обществ переходного типа. В этом отношении он может даже претендовать на статус «метанарратива», предлагающего наднациональную модель видения развития целого ряда обществ и государств, находящихся на определенном этапе развития. Но одним из свойств метанарративов является их оценочная насыщенность. Явления и события в рамках метанарратива предстают «в черно-белом ключе, без полутонов» (Лиотар, 1998, с. 79). Предложенное в рамках модернизационной

парадигмы, определившей содержание концепта «модернизация», деление всех обществ на «развитые» и «развивающиеся» (менее развитые) соответствует этой метанарративной логике бинарного разделения на хорошее и плохое. В том числе и потому, что указанное деление означает ориентацию на «развитые» общества как некоторую идеальную модель с предложением обществам «развивающимся» конкретных целевых показателей, траекторий эволюции для ее достижения. Важно, что установка на необходимость достижения всеми обществами состояния «развитых» в модернизационной парадигме, особенно на начальных этапах ее становления, обозначается как безальтернативная. И в этом отношении «модернизация» оказывается достаточно авторитарным концептом (Рзаева, 2014, с. 27), что в поле политического дискурса при интерпретации событий через него создает риски оценочного, бинарного отнесения политических решений, действий, моделей поведения как отвечающих задачам «модернизации» и препятствующих им.

В-третьих, модернизационная парадигма изначально была «политически имплицитной», обладала достаточно расширенным и адаптивным инструментарием, позволяющим дать системное видение закономерностей актуальных социальных, экономических и политических трансформаций. Она выступала одновременно и как научная концепция, и как политическая доктрина, и как политическая стратегия развития государства и общества. Именно поэтому «модернизация» и синонимичные ей категории, концепты так широко в равной степени используются как в научном, так и в политическом дискурсе. Но «модернизация» – это все-таки не просто технология или определенная программа действий, необходимая для достижения поставленных целей; это, прежде всего, теория, систематизирующая методологические подходы к исследованию закономерностей развития трансформирующихся обществ. Исходя из национального опыта модернизации и реформ в направлении модернизации «развивающихся» обществ, данный концепт приобрел существенную содержательную трансформацию. Поэтому в поле научного дискурса произошла смена метанарратива «модернизации» на нарративы, и сегодня существует не одно безальтернативное представление о модернизационном пути развития общества, а разные теории модернизации, учитывающие и социокультурные факторы реформаторских процессов, влияющих на возможность модернизации.

Установка на «реформу» как постоянную универсальную характеристику политического процесса, определяющего режимы его существования, тоже очень неоднозначна. С позиции институционализма, «реформа» является наиболее мягкой формой реализации государственных преобразований, позволяющей обществу приспособиться к ним. Именно на этой характеристике «реформы» и делается акцент в официальном российском политическом дискурсе. Но большие государственные проекты и масштабные реформы как политические процессы всегда связаны с перераспределением ренты, возникновением и усилением конкуренции между новыми группами интересов, что порождает конфликты между крупными «соискателями» ренты.

Развитие же постиндустриального общества сопровождается обострением целого ряда противоречий. Система мышления данного типа общества в отличие от общества индустриального характеризуется утратой согласия, неспособностью прийти к единому стандарту поведения, общим правилам, языку

и т. д.⁶ Такая мозаика ценностных ориентаций усиливает конкуренцию между потенциальными получателями ренты от реформаторских процессов. Отсюда возрастают риски неправильного институционального выбора или «институциональной ловушки» (Полтерович, 2004). Неправильный выбор институтов может привести к тому, что они окажутся неэффективными, но новые группы интересов, получающих от него ренту, реализующих через него свои цели, будут настаивать на его сохранении. В результате отказаться от нового института, даже если он эффективен, может быть дороже, чем его сохранять.

Для сокращения числа конфликтующих «соискателей ренты» от реформ как политического процесса и предупреждения отклонений из-за этого от их целей, крайне важна мотивация на их реализацию всех: и исполнителей, и населения как конечного адресата реализуемых преобразований. Высокий уровень доверия населения государству, государственным институтам как инициаторам реформ позволяет предупредить риски «институциональных ловушек», помогает государству наращивать свой социальный потенциал (Дементьев, 2011), поскольку общество совершенно осознанно готово нести свой вклад в развитие государства. Это позволяет снижать риски скрытого сопротивления принимаемым властью решениям на уровне массового сознания, как следствие, сокращаются затраты на их «продвижение». Обеспечение высокой мотивации власти и населения на реализацию реформ особенно важно в условиях неопределенности и развития постиндустриального общества, поскольку механизмы перераспределения власти носят все менее контролируемый характер, в том числе со стороны государственных политических институтов.

Обеспечение высокого уровня доверия населения «реформам» позволяет предупредить еще один риск, который возникает при реализации масштабных государственных преобразований. Реформа – очень сложный политический процесс, связанный с существенными институциональными изменениями, требующими специального уровня знаний и компетенции для оценки их эффективности. Обеспечить указанный уровень доверия со стороны общества, тем более, когда «реформы» носят масштабный, всесторонний характер, крайне затруднительно. Учитывая это и неизбежную конкуренцию потенциальных получателей ренты, сопровождающую процессы государственных преобразований, «реформа» одновременно позволяет реализовать перераспределение власти с минимальным контролем со стороны общества и без реальных качественных изменений условий его жизни, низводя, по сути, содержание реформ к простой самореорганизации власти (Старцев, 2007, с. 181). Риск такого выхолащивания содержания и скрытого перераспределения власти тем более высок, когда реформирование приобретает масштабный и всесторонний характер. Поэтому если «реформа» носит затяжной характер и не дает хоть какого-то ощутимого результата с точки зрения реального повышения качества жизни населения, то на определенном этапе со стороны общества она подвергается релятивизации, приобретает в массовом политическом дискурсе относительную ценность и в итоге негативную коннотацию. А это уже становится одной из причин конфликта

⁶ Соловьев, Э.Г. (2010). Информационное общество. В В.С. Степин (Ред.), *Новая философская энциклопедия*. Взято 12 апреля 2021, с <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH131b96cb772df8497f4613>

властного и массового политических дискурсов, создавая тем самым угрозу стабильности и легитимности власти.

Заключение

В рамках политического дискурса российской властвующей элиты «реформа» и «модернизация» применяются как нарративы, раскрывающие представление власти о тех событиях, условиях, нормах, которые характеризуют российское общество и государство как отвечающие требованиям современности. При этом «модернизация» (или чаще применяемый сейчас концепт «цифровизация», который как нарратив оказывается идентичным «модернизации») выполняет функции установки на будущее, обеспечивая идентификацию российского общества и государства с современностью. «Реформа» («национальные проекты», «приоритетные проекты», «приоритетные программы» и т. п.), в свою очередь, описывает траекторию движения к этой современности. Включение концептов «реформа» и «модернизация» в политический дискурс в качестве нарративов позволяет легитимировать властные решения, направленные на создание условий для функционирования и развития общества и государства как современных. Но учитывая, что нарративы всегда связаны не с непосредственным отображением действительности, а некоторой оценочной ее интерпретацией, а также принимая во внимание историю содержательного оформления концепта «модернизация» и специфику «реформы» как политического процесса, оперирование указанными концептами как нарративами может привести к их идеологизации со стороны власти, в логике которой «модернизация» оказывается самоцелью, а «реформа» – вечным процессом ее достижения, без ощутимых изменений и улучшений в практике повседневной жизни общества. В такой ситуации со стороны общества «модернизация» и «реформа» могут быть подвергнуты релятивизации, в результате чего они приобретут в массовом политическом дискурсе относительную ценность и в итоге негативную коннотацию. Это, в свою очередь, может стать одной из ключевых причин неприятия массовым сознанием транслируемых властью решений и установок, формирования скрытого сопротивления им на уровне практик повседневной жизни общества, даже если модернизационные государственные преобразования действительно направлены на улучшение качества жизни населения и содержательно отвечают его ожиданиям. Для исключения указанных рисков крайне важно обеспечение в массовом сознании высокого уровня доверия к «реформам», отвечающим задачам «модернизации», за счет в первую очередь поддержания максимальной информационной открытости процессов государственных преобразований, диалога общества и власти по поводу содержания нарративов «модернизация» и «реформа», ощущаемого обществом улучшения качества жизни.

Список литературы

1. Брокмейер, Й., Харре, Р. (2000). Нарратив: проблемы и обещания одной альтернативной парадигмы. *Вопросы философии*, (3), 29–42.
2. Дементьев, И. А. (2011). Доверие как индикатор социального капитала.

Вестник Поморского университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки, (1), 20–30.

3. Зенкин, С. (2003). Критика нарративного разума. *Новое литературное обозрение*, (59), 524–534.

4. Леонтович, О.А. (2011). *Методы коммуникативных исследований*. М.: Гнозис. 5. Лиотар, Ж. – Ф. (1998). *Состояние постмодерна*. М.: Институт экспериментальной психологии; СПб.: Алетейя.

6. Малинова, О.Ю. (2016). Официальный исторический нарратив как элемент политической идентичности в России: от 1990-х к 2010-м годам. *Политические исследования*, (6), 139–158. <https://doi.org/10.17976/jpps/2016.06.10>

7. Мартыянов, В.С. (2007). Идеология В.В. Путина: концептуализация посланий Президента РФ. *Политэкс*, 3(1), 147–174.

8. Маслов, Е.Г. (2015). Понятие «метанарратив» Ж.-Ф. Лиотара в контексте нарратологии. *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*, (2–2), 150–152.

9. Полтерович, В.М. (2004). Институциональные ловушки: есть ли выход? *Общественные науки и современность*, (3), 30–50.

10. Рзаева, Р.О. (2014). Конец метанарративов в контексте проблематики прошлого и вызовов будущего. *Вопросы философии*, (2), 23–30.

11. Старцев, Я.Ю. (2007). Политическая система в зеркале дискурса: опыт реконструкции логики президентских посланий. *Политэкс*, 3(1), 175–190.

12. Ярская-Смирнова, Е.Р. (1997). Нарративный анализ в социологии. *Социологический журнал*, (3), 38–61.

13. Franzosi, R. (1998). Narrative analysis – or why (and how) sociologists should be interested in narrative. *Annual Review of Sociology*, 24(1), 517–554. <https://doi.org/10.1146/annurev.soc.24.1.517>

14. Grant, I. (2006). Postmodernizm ve Politika. In *Postmodern düşüncenin eleştirel sözlüğü* (pp. 3–15). Ankara: Ebabil.

References

1. Brockmeier, J., & Harré, R. (2000). Narrativ: problemy i obeshchaniya odnoy al'ternativnoy paradigmy [Narrative: Problems and promises of an alternative paradigm]. *Voprosy filosofii*, (3), 29–42.

2. Dementiev, I.A. (2011). Doveriye kak indikator sotsial'nogo kapitala [Trust as an indicator of social capital]. *Vestnik Pomorskogo universiteta. Serija: Gumanitarnye i social'nye nauki*, 1, 20–30.

3. Franzosi, R. (1998). Narrative analysis – or why (and how) sociologists should be interested in narrative. *Annual Review of Sociology*, 24(1), 517–554. <https://doi.org/10.1146/annurev.soc.24.1.517>

4. Grant, I. (2006). Postmodernizm ve Politika. In *Postmodern düşüncenin eleştirel sözlüğü* (pp. 3–15). Ankara: Ebabil.

5. Leontovich, O.A. (2011). *Metody kommunikativnykh issledovaniy* [Communication research methods]. Moscow: Gnozis.

6. Lyotard, J.-F. (1998). *Sostoyaniye postmoderna* [The Postmodern condition].

Moscow: Institut eksperimental'noy psikhologii; Saint Petersburg: Aleteyya.

7. Malinova, O. Yu. (2016). Ofitsial'nyy istoricheskiy narrativ kak element politicheskoy identichnosti v Rossii: ot 1990-kh k 2010-m godam [The official historical narrative as a part of identity policy of the Russian state: From the 1990s to the 2000s]. *Political studies*, (6), 139–158. <https://doi.org/10.17976/jpps/2016.06.10>

8. Martyanov, V. S. (2007). Ideologiya V. V. Putina: Konceptualizatsiya poslanij Prezidenta RF [Ideology of V. V. Putin: Conceptualization of messages of the President of the Russian Federation]. *Politeks*, 3(1), 147–174.

9. Maslov, E. G. (2015). Ponyatiye «metanarrativ» Zh.-F. Liotara v kontekste narratologii [Conception “meta-narrative” by Jean-François Lyotard in the context of narratology]. *Istoricheskiye, filosofskkiye, politicheskkiye i yuridicheskkiye nauki, kul'turologiya i iskusstvovedeniye. Voprosy teorii i praktiki*, (2–2), 150–152.

10. Polterovich, V. M. (2004). Institutsional'nyye lovushki: yest' li vykhod? [Institutional traps and ways out]. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'*, (3), 30–50.

11. Rzaeva, R. O. (2014). Konets metanarrativov v kontekste problematiki proshlogo i vyzovov budushchego [The end of metanarratives in the context of the problems of the past and the challenges of the future]. *Voprosy filosofii*, (2), 23–30.

12. Startsev, Ya. Yu. (2007). Politicheskaya sistema v zerkale diskursa: opyt rekonstrukcii logiki prezidentskih poslanij [Political system in discourse reflection: Experience of reconstruction of logic of presidential messages]. *Politeks*, 3(1), 175–190.

13. Yarskaya-Smirnova, E. R. (1997). Narrativnyy analiz v sotsiologii [Narrative analysis in sociology]. *Sociologicheskij zhurnal*, (3), 38–61.

14. Zenkin, S. (2003). Kritika narrativnogo razuma [Criticism of narrative mind]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, (59), 524–534.

Информация об авторе

Екатерина Олеговна Сони́на, кандидат политических наук, доцент кафедры государственного управления и политических технологий, Уральский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Екатеринбург, Россия, e-mail: soninaeo@gmail.com

Information about the author

Ekaterina Olegovna Sonina, Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Department of Public Administration and Political Technologies, Ural Institute of Management, Branch of RANEP, Ekaterinburg, Russia, e-mail: soninaeo@gmail.com